
БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО
SAFETY & LAW

Влияние насилия в киберпространстве на субъективное благополучие подростков

Семья Г.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Зайцев Г.О.

Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0325-2938>, e-mail: gozai@yandex.ru

Зайцева Н.Г.

Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9710-9229>, e-mail: farsi13@yandex.ru

Телицына А.Ю.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>, e-mail: atelitsyna@hse.ru

В статье приводятся результаты анализа последствий влияния психологического насилия в киберпространстве на оценку подростками своего благополучия (субъективное благополучие — СБ). Выборку составили три группы опрошенных, которые испытывали различные виды кибернасилия: троллинг; нападки в соцсетях; публикации персональной информации, в том числе сексуального характера. Проведенное исследование показывает, что насилие в киберпространстве нарушает нормализацию жизни, в основе которой лежит понимание того, что твоя жизнь не хуже, чем у других. Значительное снижение всех показателей СБ происходит в случае персонификации жертвы насилия. Наиболее неудовлетворены подростки своей безопасностью, отсутствием учета их мнения, внутренней сетью и социальными контекстами. Неготовность обратиться к учителям и психологам в школе приводит к тому, что большинство подростков-жертв кибернасилия остаются без профессиональной помощи со всеми описанными в специальной литературе последствиями.

Ключевые слова: кибернасилие; кибербуллинг; подростки; безопасность; субъективное благополучие.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации от 08.02.2023 № 073-00038-23-01 «Анализ социально-психологических, психолого-педагогических технологий сопровождения несовершеннолетних, пострадавших от правонарушений, насилия либо жестокого обращения или ставших свидетелями таких противоправных действий, разработка и апробация комплексных методических материалов для

специалистов органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Благодарности. Авторы благодарят за помощь и поддержку программу фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитаты: *Семья Г.В., Зайцев Г.О., Зайцева Н.Г., Телицына А.Ю.* Влияние насилия в киберпространстве на субъективное благополучие подростков [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2023. Том 4. № 3. С. 32–46. DOI:10.17759/ssc.2023040302

The Impact of Violence in Cyberspace on the Subjective Well-Being of Adolescents

Galina V. Semya

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemya@yandex.ru

Georgy O. Zaitsev

Researcher, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0325-2938>, e-mail: gozai@yandex.ru

Nadezhda G. Zaitseva

Researcher, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9710-9229>, e-mail: farsi13@yandex.ru

Alexandra Yu. Telitsyna

National Research University, Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>, e-mail: atelitsyna@hse.ru

The article presents the results of an analysis of the relationship between psychological violence in cyberspace and adolescents' assessments of their well-being (subjective well-being — SWB). The sample consisted of three groups of respondents who reported different levels of trolling, online attacks, and the publication of personal information, including of a sexual nature. The conducted study demonstrates that cyber violence disrupts the normalization of life, based on the understanding that one's life is no worse than others. A significant decrease in all SWB indicators occurs in the case of the victim's personalization of violence. Adolescents are most dissatisfied with their safety, consideration of their opinions, internal networks, and social contexts. Reluctance to turn to teachers and psychologists in school leads to the fact that the majority of adolescents — victims of cyber violence — remain without professional assistance, with all the consequences described in the literature on the subject.

Keywords: cyberviolence; cyberbullying; adolescents; safety; subjective well-being.

Funding. The study was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation from 08.02.2023 No. 073-00038-23-01 “Analysis of socio-psychological, psychological and pedagogical technologies for the support of minors who have suffered from offenses, violence or ill-treatment or who have witnessed such illegal actions, development and testing of

comprehensive methodological materials for specialists of bodies and institutions of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency”.

Acknowledgements. The authors are grateful for assistance the HSE University Research Program.

For citation: Semya G.V., Zaitsev G.O., Zaitseva N.G., Telitsyna A.Yu. The Impact of Violence in Cyberspace on the Subjective Well-Being of Adolescents [Elektronnyi resurs]. *Social'ny'e nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2023. Vol. 4, no. 3, pp. 32–46. DOI:10.17759/ssc.2023040302 (In Russ., abstr. in Engl.).

Введение

Психологическое насилие в киберпространстве может принимать форму кибербуллинга, кибергруминга, секстинга и др. — составные части киберпреступности, которые возникли относительно недавно в связи с развитием информационных технологий и вовлечением детей и подростков в глобальную сеть Интернет [8; 10]. Подростки, находящиеся в пубертатном периоде, наиболее чувствительны к любым оскорблениям, слухам и социальным неудачам, могут испытывать депрессию, чувство одиночества, у них отмечаются снижение самооценки и потеря уверенности в себе, изменение режима питания и сна. Наиболее распространен кибербуллинг, сопровождающийся угрозами, оскорблением личности жертвы или его близких, террором или травлей с помощью сети Интернет — той среды обитания подростков, которая не имеет ни морально-нравственных, ни осязаемых границ.

Все виды насилия в киберпространстве являются прямым нарушением статьи 19 Конвенции ООН о правах ребенка, которая гарантирует несовершеннолетним защиту от любых форм физического, психологического или ментального насилия [2]. В 2014 году Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию по борьбе с любыми формами буллинга и призвала страны-участницы к активным действиям по защите детей и подростков от этого явления.

Независимо от избранной киберпреступником формы реализации своего злонамеренного поведения по отношению к жертве, та получает морально-психологический урон, что позволяет рассматривать кибернасилие через призму психологического насилия [8; 12; 19; 22; 23]. Это подтверждается многочисленными исследованиями, согласно которым дети и подростки, вовлеченные в киберзапугивание, испытывают более высокий уровень депрессии и тревоги и даже более частые суицидальные мысли по сравнению с теми, кто не участвует в этом [8; 11; 15; 16; 18; 19]. Киберпреступность в отношении детей особенно опасна своей скрытностью, поскольку взрослым трудно ее обнаружить и вовремя принять меры [24; 25; 26]. Однако не облегчает ситуацию и сам факт «обнаружения»: доведенный до конца замысел киберпреступника или кибернасилыника «бьет» и не приносит жертве облегчения, поскольку предаёт огласке и представляет на всеобщее обозрение ее сокровенные фото- и видеофайлы либо личную информацию [14]. Ранее измученная навязчивым поведением кибермучителя, жертва вновь страдает уже от чувства стыда, вызванного публикацией ее личных файлов [13; 27].

Киберзапугивание представляет собой растущую проблему общественного здравоохранения: пострадавшие дети и молодежь испытывают целый ряд проблем с

физическим и психическим здоровьем, включая эмоциональные и психосоматические проблемы, неадаптивное поведение и повышенную склонность к суициду [9; 17; 21; 28]. Статус жертвы киберзапугивания связан со значительными краткосрочными и долгосрочными проблемами психического и физического здоровья, а также проблемами с эмоциональной сферой и особым поведением [20].

В отечественных исследованиях одной из важных задач в области исследования кибербуллинга (далее — КБ) является «необходимость изучения процессуальной стороны КБ в ее динамике и развитии — какие изменения происходят с участниками ситуации КБ, как меняется продолжительность и используемые для осуществления травли средства, как меняются представления и способы реагирования всех участников ситуации КБ с накоплением опыта» [7].

Значительное число статей посвящено изучению особенностей и сходства офлайн-буллинга и кибербуллинга [4; 5], роли родителей в профилактике [6].

В Отчете по результатам международного проекта EU Kids Online II в России 2012 года содержится информация, что каждый четвертый ребенок (28%) признался, что за последний год обижал или оскорблял других людей в реальной жизни или в интернете [1]. С возрастом дети чаще становятся агрессорами: это практически каждый третий ребенок 13—16 лет. Каждый третий ребенок, проявлявший агрессию в интернете, сам был жертвой кибербуллинга, и более двух третей из них (72%) переживают это как стрессовое событие. Треть (28%) российских школьников встречали или получали лично сообщения сексуального характера в интернете, причем более 15% — раз в месяц и чаще. Дети сравнительно редко (4%) признаются, что пишут сами сообщения сексуального характера. При этом в среднем по России школьники получают подобные сообщения в 7 раз чаще, чем отправляют сами.

Среди способов социальной поддержки и в России, и в Европе лидируют друзья: каждый второй ребенок делился с друзьями тем, что случилось (49% и 52% соответственно). Родители гораздо реже служат источником социальной поддержки: в России каждый четвертый делился проблемой с родителями (25%), в то время как в Европе — почти каждый второй (42%) [1].

Цель исследования и характеристика выборки

Целью исследования является выявление последствий влияния кибернасилия на оценку благополучия самими подростками (субъективное благополучие в ситуации кибернасилия).

Гипотеза заключается в предположении, что уровень субъективного благополучия подростков, являющихся жертвами кибернасилия, значительно снижается по всем показателям СБ и наиболее страдает удовлетворенность безопасностью.

Выборку составили 151000 подростков от 13 до 18 лет из 22 регионов, принявшие участие в проведении опроса оценки субъективного благополучия подростков. Для исследования была отобрана группа информантов, обучающихся в школах, которые отметили, что «часто» и «очень часто» сталкивались с ситуациями кибернасилия: 28968 человек из 22 субъектов Российской Федерации обоего пола.

Респонденты были отнесены к одной из трех групп в зависимости от вопросов о кибербуллинге, на которые они дали положительный ответ:

1. «Были случаи, когда на меня совершали нападки в соцсетях, троллили в чатах или онлайн-играх» — группа 1 (N=19835 чел., из них: очень часто — 47%; часто — 53%);
2. «Были случаи, когда специально создавалась онлайн-группа, веб-страница, интернет-видео, где высмеивали меня, мои увлечения, поступки» — группа 2 (N=4736 чел., из них очень часто — 51%; часто — 49%);
3. «Были случаи, когда мои письма, фотографии, видео, в том числе сексуального характера, пересылали без моего ведома» — группа 3 (N=4397 чел., из них: очень часто — 55%; часто — 45%).

Методы исследования

Для оценки субъективного благополучия использовался опросник «Субъективное благополучие подростков», включающий 13 субдоменов, критерием оценки которых стала удовлетворенность: собой; своими достижениями; здоровьем и самочувствием, активным образом жизни (физическая активность, спорт, энергичность); безопасностью (психологической и физической); внутренней поддерживающей сетью (отношения с родными и близкими); внешней поддерживающей сетью (отношения со сверстниками, наставником, педагогами, соучениками и пр.); нормализацией жизни (не хуже в сравнении с другими молодыми людьми); суверенностью психологического пространства; материальным положением; своим «хронотопом»; учетом мнения (насколько учитывается мнение респондентов при решении жизненно важных для них вопросов); социальными контекстами (школьной жизнью, образовательной организацией, спортивной секцией); доверие (сверстникам и взрослым), а также наличие в жизни информанта стрессогенных событий, которые он переживает на протяжении последних 2 лет [3].

Для вычисления относительного профиля СБ и его визуализации использовалась авторская математическая модель расчета СБ: относительный профиль рассчитывается как разница между средним уровнем показателя СБ в целевой выборке подростков и общей базы, деленная на среднее значение показателя в общей базе. Диапазон между коричневыми линиями является зоной незначимости значений с достоверностью 0,95.

Результаты исследования

На рис. 1 представлен профиль СБ в баллах (по шкале Лайкерта) для всей выборки (N=151745) (черная кривая). Будем считать этот профиль эталонным, то есть все величины средних значений — эталон для каждого субдомена. Вторая кривая (синяя) — это профиль СБ для первой группы подростков, на которых очень часто и часто совершали нападки в соцсетях, чатах или онлайн-играх, троллили.

Значения всех параметров в системе благополучия подростков группы 1 (см. рис. 1) по сравнению с общей выборкой более низкие, но по-прежнему находятся в зоне среднего уровня удовлетворенности (от 3 до 4 баллов).

На рис. 2 представлен относительный профиль СБ первой группы подростков, на которых очень часто и часто совершали нападки в соцсетях, чатах или онлайн-играх, троллили.

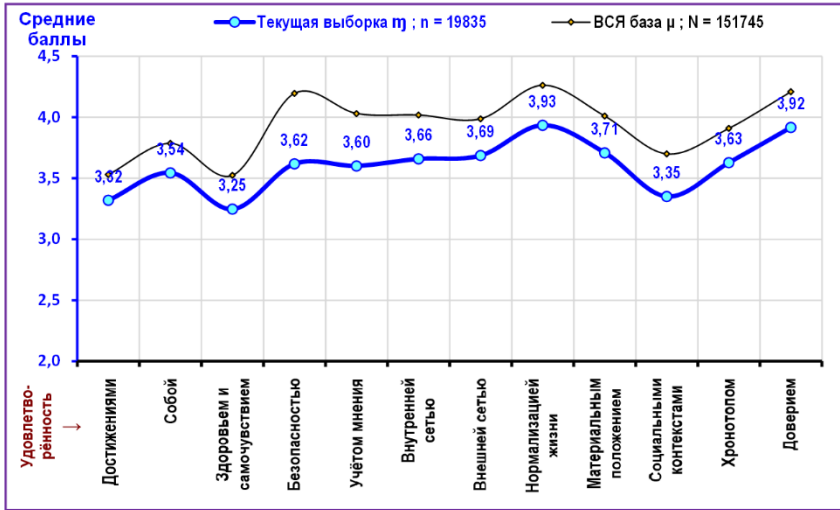

Рис. 1. Субъективное благополучие подростков из всей выборки (эталон) и подростков группы 1

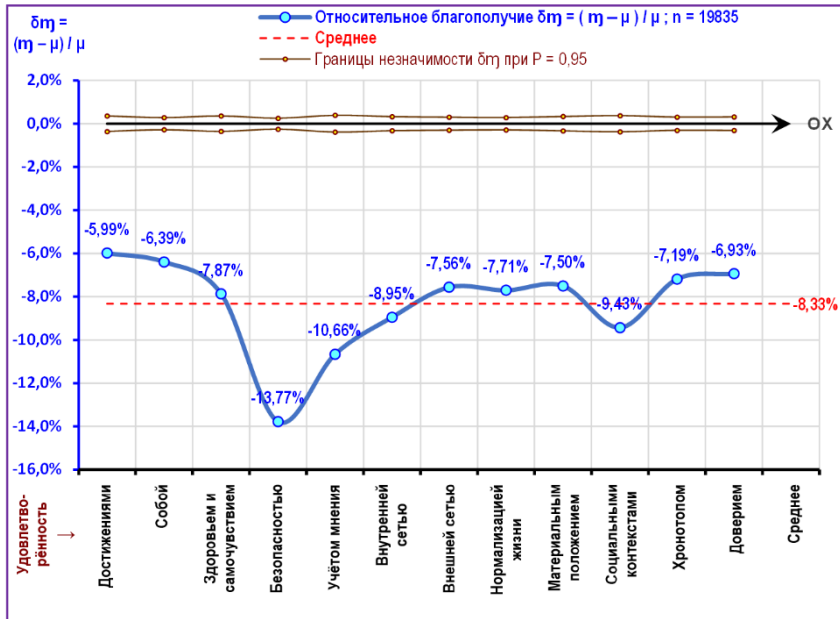

Рис. 2. Профиль относительного субъективного благополучия подростков группы 1, на которых очень часто и часто совершали нападки в соцсетях, чатах или онлайн-играх, троллили

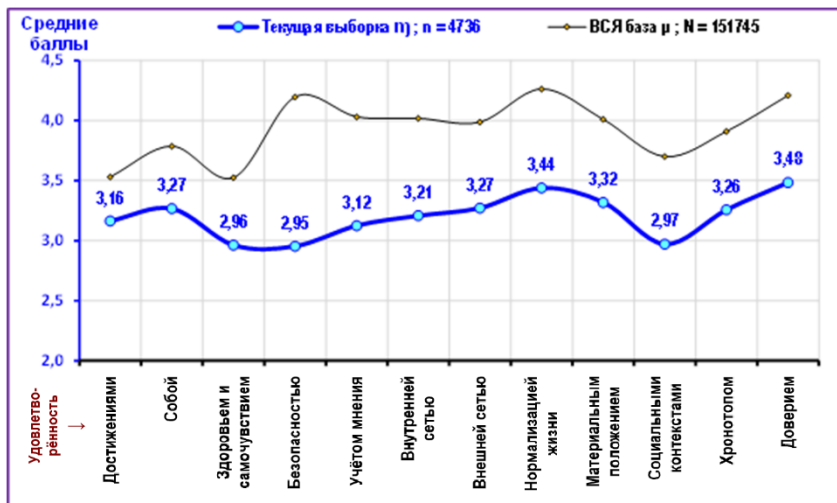

Рис. 3. Субъективное благополучие подростков из всей выборки (эталон) и подростков группы 2

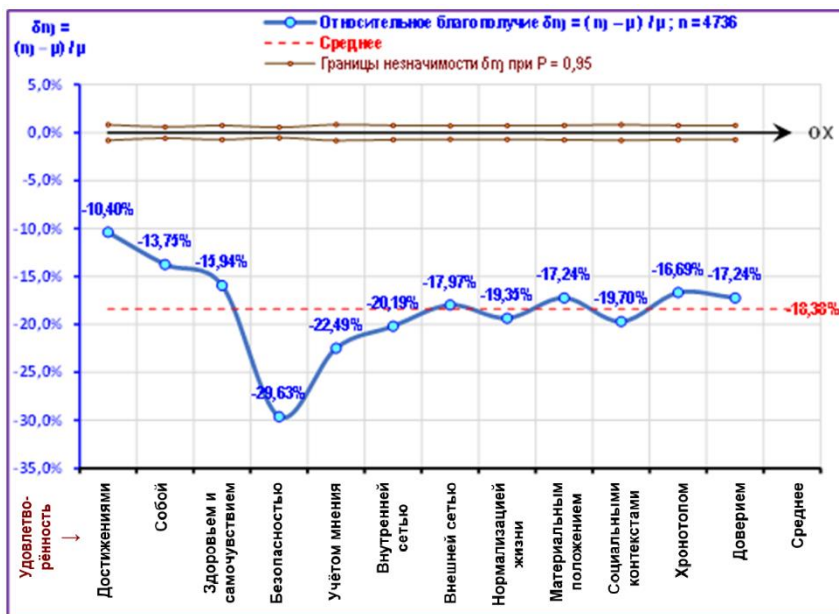

Рис. 4. Профиль относительного субъективного благополучия подростков группы 2, у которых часто или очень часто были случаи, когда специально создавалась онлайн-группа, веб-страница, интернет-видео, где высмеивали их и их увлечения, поступки

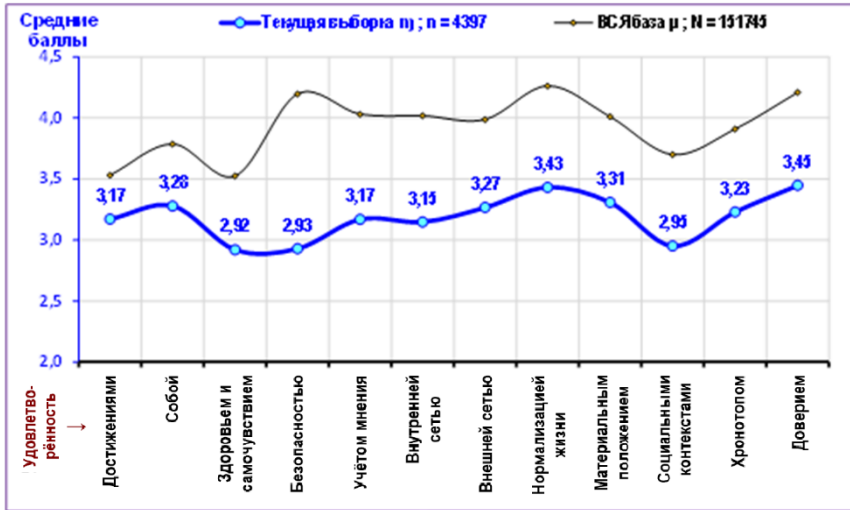

Рис. 5. Субъективное благополучие подростков из всей выборки (эталон) и подростков группы 3

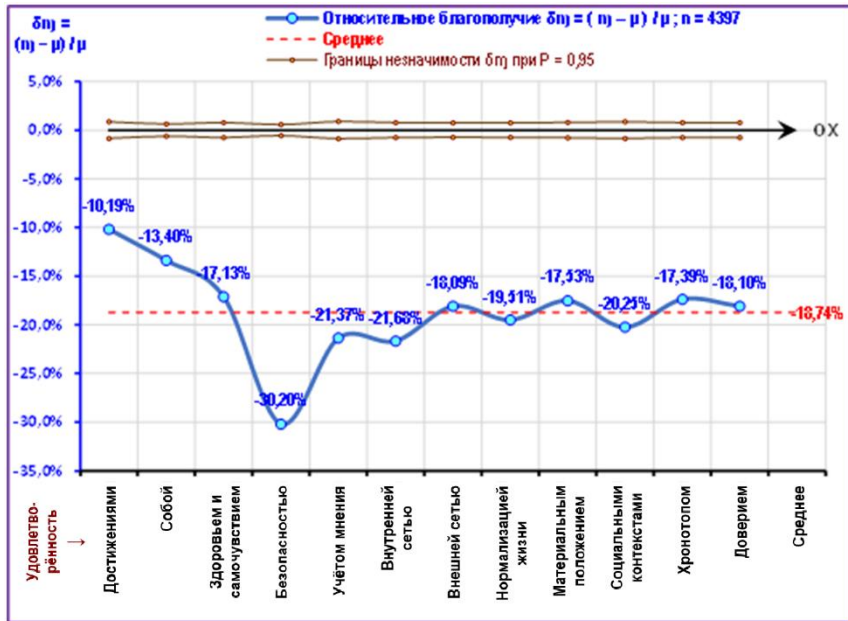

Рис. 6. Профиль относительного субъективного благополучия подростков группы 3, у которых часто или очень часто были случаи, когда письма, фотографии, видео, в том числе сексуального характера, персылали без ведома респондента

Все показатели имеют отрицательные значения (см. рис. 2) в зоне значимости ($P=0,95$), что означает снижение показателей СБ, а среднее значение равно $-8,33\%$ (отклонение от среднего по всей выборке в сторону отрицательных значений). Наиболее уязвимыми оказались показатели: удовлетворенность безопасностью ($-13,77\%$), учетом мнения ($-10,66\%$), социальными контекстами ($-9,43\%$), внутренней сетью ($-8,95\%$).

На рис. 3 представлен профиль СБ подростков группы 2, у которых часто или очень часто были случаи, когда специально создавалась онлайн-группа, веб-страница, интернет-видео, где высмеивали их и их увлечения, поступки.

На рис. 4 показан относительный профиль субъективного благополучия респондентов группы 2. Ситуация значительно ухудшается — среднее значение равно уже $-18,33\%$, а удовлетворенность рядом параметров снижается практически в два раза: безопасностью — до значения $-29,63\%$. Наряду с показателями, имеющими самые большие отклонения до группы 1, в группе 2 появляется еще один показатель — удовлетворенность нормализацией жизни ($-19,35\%$).

На рис. 5 представлен профиль СБ подростков группы 3, у которых часто или очень часто были случаи, когда письма, фотографии, видео, в том числе сексуального характера, пересылали без ведома респондента.

Сравнение профилей СБ второй и третьей группы показывает значительное совпадение по всем показателям. Объединяющим внешним фактором для обеих групп является целенаправленная деятельность по отношению к конкретной «жертве». К сожалению, сам опрос не учитывал, какую долю пересылаемых в интернете фото и видео составляли материалы сексуального характера. Если их доля крайне мала, то это может объяснить совпадение профилей.

На рис. 6 видно, что добавление опыта сексуального насилия не меняет практически среднего значения ($-18,38\%$) по сравнению с группой 2, но отклонения от среднего значения показателей удовлетворенности безопасностью ($-30,20\%$), учетом мнения ($21,37$), внутренней сетью ($21,68\%$), социальными контекстами ($20,25\%$), нормализацией жизни ($19,51\%$) снижаются более выраженно.

Выявлена ситуация снижения оценки параметров СБ по ряду показателей: наибольшее снижение выявлено по параметру безопасность, затем — отсутствие учета мнения и неудовлетворенность внутренней поддерживающей сетью (отношения с родителями и т. д.), которые находятся в зоне отрицательных значений.

Таким образом, воздействие на подростков трех групп, испытывающих разные виды кибернасилия, имеет негативные последствия, которые приводят к общему снижению субъективного благополучия.

Обсуждение

Создание специальных онлайн-групп, веб-страниц, интернет-видео, где высмеиваются увлечения, поступки конкретного ребенка — это вид психологического насилия. Кибербуллинг нарушает нормализацию жизни, в основе которой лежит понимание того, что твоя жизнь не хуже, чем у других.

В ходе проведенного анализа выявлена взаимосвязь психологического насилия в киберпространстве и снижения уровня собственного благополучия и удовлетворенности

жизнью среди подростков. Подвергшиеся кибербуллингу респонденты давали ответы, которые фиксировали снижение критериев удовлетворенности безопасностью, учетом мнения опрашиваемых, социальными контекстами и внутренней сетью.

Выявлено, что уровень субъективного благополучия подростков, являющихся жертвами кибернасилия, значительно снижается по всем показателям СБ и наиболее страдает удовлетворенность безопасностью, независимо от видов кибернасилия. Доказано, что наиболее значимое снижение показателей СБ, таких как отсутствие учета их мнения, удовлетворенность внутренней сетью, социальными контекстами, происходит в ситуации персонализации жертвы насилия.

Становясь жертвой в цифровом мире, подросток ищет поддержку того, с кем он может поговорить на эту тему.

Дополнительный опрос показал, что у 23% подростков нет такого человека. Поговорить о недружественных действиях в отношении себя в своей семье 44% респондентов предпочитают с мамой и только 28% — с папой; 23% — с братом или сестрой; 19% — с бабушкой или дедушкой. На втором месте — друг или подруга — 33%. С учителем готовы поговорить 12%, а с психологом — 15% подростков. В ответах детей есть еще кто-то другой — 19%.

Не готовы обсуждать проблемы буллинга в цифровой среде подростки-сироты, воспитывающиеся в приемной семье: только 10% будут обращаться к приемной маме и 11% — к приемному отцу, а в организации для детей-сирот таких воспитанников только 8%.

Выводы

Полученные результаты показывают, что во всех трех выделенных группах подростков, испытывающих разные виды кибернасилия, выявлены негативные последствия его воздействия, которые привели к снижению всех показателей субъективного благополучия. Ключевым фактором насилия является персонализация жертвы насилия, то есть направленность агрессии на конкретного подростка.

Наиболее значимое негативное последствие кибернасилия оказалось во второй и третьей группах подростков, которые столкнулись в том числе с ситуацией, что письма, фотографии, видео, в том числе сексуального характера, пересылали без их ведома. Это привело к наиболее отрицательной оценке основных показателей СБ.

Подростки, испытывающие кибернасилие, нуждаются в поддержке со стороны взрослых, сверстников, друзей для обсуждения недружественных действий по отношению к ним.

Неготовность обратиться к педагогам, психологам в школе приводит к тому, что подростки остаются без профессиональной помощи и, став жертвой кибербуллинга, демонстрируют нарушения физического и психического здоровья, эмоциональные нарушения и неадекватность поведения, склонность к суицидам.

Полученные результаты могут быть востребованы в практике работы педагогов, психологов, социальных педагогов в общеобразовательных организациях, для оказания помощи и поддержки, а также профилактики выявления подростков, переживших

кибербуллинг, так как чаще они становятся агрессорами в интернете, проявляют недружественное поведение со сверстниками и взрослыми.

Данное исследование необходимо продолжить для сравнения оценки субъективного благополучия девочек и мальчиков подросткового возраста, испытавших на себе воздействие кибернасилия разных видов, при условии уточнения содержания противоправных действий.

Литература

1. Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. 2023. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 2.12.2023).
2. Ослон В.Н., Семья Г.В., Прокопьева Л.М., Колесникова У.В. Операциональная модель и инструментарий для изучения субъективного благополучия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25. № 6. С. 41–50. DOI:10.17759/pse.2020250604
3. Солдатова Г., Зотова Е., Лебедева М., Гур М., Роггендорф П. Дети России онлайн. Результаты международного проекта EU Kids Online II в России [Электронный ресурс]. М.: Фонд Развития Интернет. 2012. 213 с. URL: http://detionline.com/assets/files/helpline/Final_Report_05-29-11.pdf (дата обращения: 02.12.2023).
4. Солдатова Г.У., Зотова Е.Ю. Кибербуллинг в школьной среде: трудная онлайн-ситуация и способы совладания // Образовательная политика. 2011. № 5(55). С. 11–22.
5. Солдатова Г.У., Львова Е.Н., Пермякова И.Д. Феномены традиционного буллинга и кибербуллинга: сходства и различия // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей и материалов международной конференции, 14–17 февраля 2018, Коломна / под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет Коломна, 2018. С. 380–384.
6. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Безопасность подростков в Интернете: риски, совладание и родительская медиация // Национальный психологический журнал. 2014. № 3(15). С. 39–51. DOI:10.11621/npj.2014.0305
7. Солдатова Г.У., Ярмина А.Н. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания // Национальный психологический журнал. 2019. № 3(35). С. 17–31. DOI:10.11621/npj.2019.0303
8. Borrajo E. et al. Cyber dating abuse: Prevalence, context, and relationship with offline dating aggression // Psychological Reports. 2015. Vol. 116(2). P. 565–585. DOI:10.2466/21.16.PR0.116k22w4
9. Cava M.-J., Tomás I., Buelga S., Carrascosa L. Loneliness, Depressive Mood and Cyberbullying Victimization in Adolescent Victims of Cyber Dating Violence // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17. № 12. P. 4269. DOI:10.3390/ijerph17124269
10. Copp J.E., Mumford E.A., Taylor B.G. Online sexual harassment and cyberbullying in a nationally representative sample of teens: Prevalence, predictors, and consequences // Journal of Adolescence. 2021. Vol. 93. P. 202–211. DOI:10.1016/j.adolescence.2021.10.003
11. Dewi H.A., Suryani S., Sriati A. The relationship between cyberbullying and the risk of suicidal ideation in adolescents // Jurnal Keperawatan Padjadjaran. 2023. Vol. 11. № 2. P. 118–123. DOI:10.24198/jkp.v11i2.2259
12. Ehman A.C., Gross A.M. Sexual cyberbullying: Review, critique, & future directions // Aggression and Violent Behavior. 2019. Vol. 44. P. 80–87. DOI:10.1016/j.avb.2018.11.001

13. *González-Cabrera J., Calvete E., León-Mejía A., Pérez-Sancho C., Peinado J.M.* Relationship between cyberbullying roles, cortisol secretion and psychological stress // *Computers in Human Behavior*. 2017. Vol. 70. P. 153–160. DOI:10.1016/j.chb.2016.12.054
14. *Hamm M.P., Newton A.S., Chisholm A. et al.* Prevalence and Effect of Cyberbullying on Children and Young People: A Scoping Review of Social Media Studies // *JAMA Pediatr*. 2015. Vol. 169. № 8. P. 770–777. DOI:10.1001/jamapediatrics.2015.0944
15. *Kota R., Selkie E.* Cyberbullying and Mental Health // *Technology and Adolescent Mental Health / Moreno M., Radovic A. (eds.)*. Cham: Springer, 2018. P. 89–99. DOI:10.1007/978-3-319-69638-6_7
16. *Litwiller B.J., Brausch A.M.* Cyber Bullying and Physical Bullying in Adolescent Suicide: The Role of Violent Behavior and Substance Use // *Journal Youth Adolescence*. 2013. Vol. 42. P. 675–684. DOI:10.1007/s10964-013-9925-5
17. *Mishna F., McInroy L.B., Lacombe-Duncan A., Bhole P., Van Wert M., Schwan K., Birze A., Daciuk J., Beran T., Craig W., Pepler D.J., Wiener J., Khoury-Kassabri M., Johnston D.* Prevalence, Motivations, and Social, Mental Health and Health Consequences of Cyberbullying Among School-Aged Children and Youth: Protocol of a Longitudinal and Multi-Perspective Mixed Method Study // *JMIR Res Protoc*. 2016. Vol. 5. № 2. P. e83. DOI:10.2196/resprot.5292
18. *Moreno M.A., Gower A.D., Brittain H. et al.* Applying Natural Language Processing to Evaluate News Media Coverage of Bullying and Cyberbullying // *Prevention Science*. 2019. Vol. 20. P. 1274–1283. DOI:10.1007/s11121-019-01029-x
19. *Mouheb D., Abushamleh M.H., Abushamleh M.H., Aghbari Z.A., Kamel I.* Real-Time Detection of Cyberbullying in Arabic Twitter Streams // 10th IFIP International Conference on New Technologies, Mobility and Security 24-26 June 2019. Canary Islands, Spain: NTMS, 2019. P. 1–5. DOI:10.1109/NTMS.2019.8763808
20. *Låftman S.B., Modin B., Östberg V.* Cyberbullying and subjective health // *Children Youth Serv Rev*. 2013. Vol. 35. № 1. P. 112–119. DOI:10.1016/j.childyouth.2012.10.020
21. *Nixon C.L.* Current perspectives: the impact of cyberbullying on adolescent health // *Adolesc Health Med Ther*. 2014. Vol. 5. P. 143–158. DOI:10.2147/AHMT.S36456
22. *Peprah P., Oduro M.S., Okwei R. et al.* Cyberbullying victimization and suicidal ideation among in-school adolescents in three countries: implications for prevention and intervention // *BMC Psychiatry*. 2023. Vol. 23. № 1. P. 944. DOI:10.1186/s12888-023-05268-9
23. *Quintana-Orts C., Rey L., Neto F.* Beyond Cyberbullying: Investigating When and How Cybervictimization Predicts Suicidal Ideation // *Journal of Interpersonal Violence*. 2022. Vol. 37(1-2). P. 935–957. DOI:10.1177/0886260520913640
24. *Sarna G., Bhatia M.P.S.* Content based approach to find the credibility of user in social networks: an application of cyberbullying // *Int. J. Mach. Learn. & Cyber*. 2017. Vol. 8. P. 677–689. DOI:10.1007/s13042-015-0463-1
25. *Singh S., Shah S.N.* Impact of cybercrime on children & adolescents // *Cyber Crime, Regulation & Security: Contemporary Issues and Challengers / Singh S., Shah S.N.* Impact of cybercrime on children & adolescents. *Cyber Crime, Regulation & Security: Contemporary Issues & Challengers*. Greater Noida: Sharda University, 2018. P. 127–132.
26. *Song J.K.* Protecting Children from Cybercrime: Legislative Responses in Asia to Fight Child Pornography, Online Grooming, and Cyberbullying. World Bank, Washington, DC. International Centre for Missing & Exploited Children, Alexandria, Virginia. 2015.
27. *Sourander A., Brunstein Klomek A., Ikonen M., Lindroos J., Luntamo T., Koskelainen M., Ristkari T., Helenius H.* Psychosocial risk factors associated with cyberbullying among adolescents: a population-based study // *Arch Gen Psychiatry*. 2010. Vol. 67. № 7. P. 720–728. DOI:10.1001/archgenpsychiatry.2010.79
28. *Statistics Canada Catalogue (82-624-X)* [Internet]. Ottawa (ON): Statistics Canada; 2015. URL: <http://www.statcan.gc.ca/pub/82-624-x/2012001/article/11696-eng.htm>

29. Yang B., Wang B., Sun N., Xu F., Wang L., Chen J., Yu S., Zhang Y., Zhu Y., Dai T., Zhang Q., Changqing Sun C. The consequences of cyberbullying and traditional bullying victimization among adolescents: Gender differences in psychological symptoms, self-harm and suicidality // *Psychiatry Research*. 2021. Vol. 306. P. 114219. DOI:10.1016/j.psychres.2021.114219

References

1. Konvenciya o pravah rebenka [Convention on the Rights of the Child]. Prinyata rezolyuciej 44/25 General'noj Assamblei ot 20 noyabrya 1989 goda [Elektronnyj resurs] [Electronic resource]. Official'nyj sajt OON. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (Accessed 24.12.2023). (In Russ.).
2. Oslon V.N., Sem'ya G.V., Prokop'eva L.M., Kolesnikova U.V. Operacional'naya model' i instrumentarij dlya izucheniya sub'ektivnogo blagopoluchiya detej-sirot i detej, ostavshihsia bez popecheniya roditel'ej [Operational model and tools for studying the subjective well-being of orphans and children left without parental care]. *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2020. Vol. 25, no. 6, pp. 41–50. DOI:10.17759/pse.2020250604 (In Russ.).
3. Soldatova G., Zotova E., Lebedeva M., Gir M., Roggendorf P. Deti Rossii onlain. Rezul'taty mezhdunarodnogo proekta EU Kids Online II v Rossii [Elektronnyj resurs]. Moscow: Fond Razvitiya Internet, 2012. 213 p. URL: http://detionline.com/assets/files/helpline/Final_Report_05-29-11.pdf (Accessed 02.12.2023).
4. Soldatova G.U., Zotova E.Yu. Kiberbullying v shkol'noj srede: trudnaya onlajn situaciya i sposoby sovladaniya [Cyberbullying in the school environment: difficult online situation and ways of coping]. *Obrazovatel'naya politika = Educational Policy*, 2011, no. 5(55), pp. 11–22. (In Russ.).
5. Soldatova G.U., L'vova E.N., Permyakova I.D. Fenomeny tradicionnogo bullinga i kiberbullinga: skhodstva i razlichiya [Phenomena of traditional bullying and cyberbullying: similarities and differences]. Cifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskij kontekst razvitiya cheloveka: sbornik nauchnyh statej i materialov mezhdunarodnoj konferencii [Digital society as a cultural and historical context of human development: a collection of scientific articles and proceedings of the international conference], 14–17 fevralya 2018, Kolomna / In R.V. Ershovoj (ed.). Kolomna: Gosudarstvennyj social'no-gumanitarnyj universitet Kolomna = Kolomna: State Socio-Humanitarian University Kolomna, 2018, pp. 380–384. (In Russ.).
6. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. Bezopasnost' podrostkov v Internete: riski, sovladanie i roditel'skaya mediaciya [Safety of adolescents on the Internet: risks, coping and parental mediation]. *Nacional'nyj psichologicheskij zhurnal = National Psychological Journal*, 2014, no. 3(15), pp. 39–51. DOI:10.11621/npj.2014.0305
7. Soldatova G.U., Yarmina A.N. Kiberbullying: osobennosti, rolevaya struktura, detsko-roditel'skie otnosheniya i strategii sovladaniya [Cyberbullying: features, role structure, child-parent relations and coping strategies]. *Nacional'nyj psichologicheskij zhurnal = National Psychological Journal*, 2019, no. 3(35), pp. 17–31. DOI:10.11621/npj.2019.0303 (In Russ.).
8. Borrajo E. et al. Cyber dating abuse: Prevalence, context, and relationship with offline dating aggression. *Psychological Reports*, 2015.
9. Cava M.-J., Tomás I., Buelga S., Carrascosa L. Loneliness, Depressive Mood and Cyberbullying Victimization in Adolescent Victims of Cyber Dating Violence. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020. Vol. 17(12), p. 4269. DOI:10.3390/ijerph17124269
10. Copp J.E., Mumford E.A., Taylor B.G. Online sexual harassment and cyberbullying in a nationally representative sample of teens: Prevalence, predictors, and consequences. *Journal of Adolescence*, 2021. Vol. 93, pp. 202–211. DOI:10.1016/j.adolescence.2021.10.003
11. Dewi H.A., Suryani S., Sriati A. The relationship between cyberbullying and the risk of suicidal ideation in adolescents. *Jurnal Keperawatan Padjadjaran*, 2023. Vol. 11(2), pp. 118–123. DOI:10.24198/jkp.v11i2.2259

12. Ehman A.C., Gross A.M. Sexual cyberbullying: Review, critique, & future directions. *Aggression and Violent Behavior*, 2019. Vol. 44, pp. 80–87. DOI:10.1016/j.avb.2018.11.001
13. González-Cabrera J., Calvete E., León-Mejía A., Pérez-Sancho C., Peinado J.M. Relationship between cyberbullying roles, cortisol secretion and psychological stress. *Computers in Human Behavior*, 2017. Vol. 70, pp. 153–160. DOI:10.1016/j.chb.2016.12.054
14. Hamm M.P., Newton A.S., Chisholm A. et al. Prevalence and Effect of Cyberbullying on Children and Young People: A Scoping Review of Social Media Studies. *JAMA Pediatr*, 2015, pp. 770–777. DOI:10.1001/jamapediatrics.2015.0944
15. Kota R., Selkie E. Cyberbullying and Mental Health. In: Moreno M., Radovic A. (eds.). *Technology and Adolescent Mental Health*, 2018. Springer, Cham. DOI:10.1007/978-3-319-69638-6_7
16. Litwiller B.J., Brausch A.M. Cyber Bullying and Physical Bullying in Adolescent Suicide: The Role of Violent Behavior and Substance Use. *Journal Youth Adolescence*, 2013. Vol. 42, pp. 675–684. DOI:10.1007/s10964-013-9925-5
17. Mishna F., McInroy L.B., Lacombe-Duncan A., Bhole P., Van Wert M., Schwan K., Birze A., Daciuk J., Beran T., Craig W., Pepler D.J., Wiener J., Khoury-Kassabri M., Johnston D. Prevalence, Motivations, and Social, Mental Health and Health Consequences of Cyberbullying Among School-Aged Children and Youth: Protocol of a Longitudinal and Multi-Perspective Mixed Method Study. *JMIR Res Protoc*, 2016. Vol. 5(2), p. e83. DOI:10.2196/resprot.5292
18. Moreno M.A., Gower A.D., Brittain H. et al. Applying Natural Language Processing to Evaluate News Media Coverage of Bullying and Cyberbullying. *Prev. Sci*, 2019. Vol. 20, pp. 1274–1283. DOI:10.1007/s11121-019-01029-x
19. Mouheb D., Abushamleh M.H., Abushamleh M.H., Aghbari Z.A., Kamel I. Real-Time Detection of Cyberbullying in Arabic Twitter Streams. 2019 10th IFIP International Conference on New Technologies, Mobility and Security (NTMS), Canary Islands, Spain, 2019, pp. 1–5. DOI:10.1109/NTMS.2019.8763808
20. Låftman S.B., Modin B., Östberg V. Cyberbullying and subjective health. *Children Youth Serv Rev*, 2013, pp. 112–119.
21. Nixon C.L. Current perspectives: the impact of cyberbullying on adolescent health. *Adolesc Health Med Ther*, 2014, pp. 143–158.
22. Peprah P., Oduro M.S., Okwei R. et al. Cyberbullying victimization and suicidal ideation among in-school adolescents in three countries: implications for prevention and intervention. *BMC Psychiatry*, 2023. Vol. 23, p. 944. DOI:10.1186/s12888-023-05268-9
23. Quintana-Orts C., Rey L., Neto F. Beyond Cyberbullying: Investigating When and How Cybervictimization Predicts Suicidal Ideation. *Journal of Interpersonal Violence*, 2022. Vol. 37(1-2), pp. 935–957. DOI:10.1177/0886260520913640
24. Sarna G., Bhatia M.P.S. Content based approach to find the credibility of user in social networks: an application of cyberbullying. *Int. J. Mach. Learn. & Cyber*, 2017. Vol. 8, pp. 677–689. DOI:10.1007/s13042-015-0463-1
25. Singh S., Shah S.N. Impact of cybercrime on children & adolescents. *Cyber Crime, Regulation & Security: Contemporary Issues & Challengers*, 2018, pp. 127–132.
26. Song J.K. Protecting Children from Cybercrime: Legislative Responses in Asia to Fight Child Pornography, Online Grooming, and Cyberbullying. World Bank, Washington, DC. *International Centre for Missing & Exploited Children*, Alexandria, Virginia, 2015.
27. Sourander A., Brunstein Klomek A., Ikonen M., Lindroos J., Luntamo T., Koskelainen M., Ristkari T., Helenius H. Psychosocial risk factors associated with cyberbullying among adolescents: a population-based study. *Arch Gen Psychiatry*, 2010, pp. 720–728. DOI:10.1001/archgenpsychiatry.2010.79
28. Statistics Canada Catalogue (82-624-X) [Internet]. Ottawa (ON): Statistics Canada; 2015. URL: <http://www.statcan.gc.ca/pub/82-624-x/2012001/article/11696-eng.htm>

29. Yang B., Wang B., Sun N., Xu F., Wang L., Chen J., Yu S., Zhang Y., Zhu Y., Dai T., Zhang Q., Changqing Sun C. The consequences of cyberbullying and traditional bullying victimization among adolescents: Gender differences in psychological symptoms, self-harm and suicidality. *Psychiatry Research*, 2021. Vol. 306. P. 114219. DOI:10.1016/j.psychres.2021.114219

Информация об авторах

Семья Галина Владимировна, доктор психологических наук, профессор кафедры «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обуховой», ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Зайцев Георгий Олегович, кандидат физико-математических наук, доцент, независимый исследователь, программист-вычислитель, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0325-2938>, e-mail: gozai@yandex.ru

Зайцева Надежда Георгиевна, магистр образовательной программы «Опека и попечительство в отношении несовершеннолетних», независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9710-9229>, e-mail: farsi13@yandex.ru

Телицына Александра Юрьевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, доцент кафедры экономики и управления в негосударственных некоммерческих организациях, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>, e-mail: atelitsyna@hse.ru

Information about the authors

Galina V. Semya, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Department Psychology of Education, Chair of Age Psychology Named after L.F. Obukhovoya, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Georgy O. Zaitsev, PhD in Physics and Mathematics, Docent, Research, Programmer, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0325-2938>, e-mail: gozai@yandex.ru

Nadezda G. Zaytseva, Master of the educational program “Guardianship and Guardianship of Minors”, Research, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9710-9229>, e-mail: farsi13@yandex.ru

Aleksandra Yu. Telitsyna, Candidate of Science (Biology), Associate Professor of the Department of Economics and Management in NGOs National Research University, Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>, e-mail: atelitsyna@hse.ru

Получена 28.11.2023

Принята в печать 15.12.2023

Received 28.11.2023

Accepted 15.12.2023